

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

выпуск
29 (92)

ИСТОРИЯ
И ФИЛОЛОГИЯ

Уважаемые читатели!
В связи с тем,
что „Палестинский сборник“,
вып. 29 был издан в 1984 г. в Горьком,
просим считать настоящий сборник
выпуском 29 (92) —
Редакционный совет РПО

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1987

Новизна исследования Берлохера заключается в том, что он разработал для каждого более или менее ходового технического приема ткачества свой значок-символ. Это позволяет в кодифицированной форме фиксировать основные технические особенности выполнения тканей. Данная система знаковых обозначений сродни письменной фиксации балетных номеров. На основании таких записей специалисты без особого труда могут составить общее представление о характере вещей, их техническом строе.

Нам кажется, что такой метод обещает быть плодотворным. Во всяком случае предлагаемая Берлохером система знаковой записи технических приемов и единый унифицированный словарь технических терминов для текстиля, разработанный в 1964 г. Международным центром исследований древнего текстиля (СИЕТА) в Лионе, значительно облегчают техническую сторону обработки материала, заметно упрощают информативную часть в каталожных описаниях и делают их более понятными, а главное — однозначными для специалистов разных стран.

Исследование Берлохера является диссертацией, выполненной им в Университете Базеля, и это обстоятельство наложило на работу специфический отпечаток. На наш взгляд, не очень удачна структура книги: главы в ней нумеруются от 0 до 4, каждый раздел имеет не только свой порядковый номер, но и номер главы и номера предшествующих разделов. Такого рода система логична при компьютерной обработке материала, для книги она слишком громоздка; удобнее ссылаться на страницы, а не на пункты, заключающие в себе иногда до шести цифр. Непонятно, почему историко-культурная часть (с. 61-76) вклинилась в чисто „технические“ главы. В книге встречаются повторы, как текстуальные, так и иллюстративные.

На наш взгляд, есть в работе и один серьезный принципиального характера просчет: ее автор игнорирует вопросы датировки вещей. При том, что ткачество — довольно консервативная отрасль ремесленного производства, все-таки в Египте с IV по XII в. оно естественно претерпевало изменения не только художественного, но и технического и технологического порядка. Не учитывать это просто неисторично.

Но отмеченные недочеты ни в какой мере не умаляют значения новаторского по сути и форме исследования Берлохера. Оно, несомненно, вызовет живой интерес не только у коптологов, но и у самых широких кругов специалистов по древнему текстилю (исследователей, музейных хранителей, реставраторов).

А.Я. Каковкин.

Irfan Shahîd, *Rome and the Arabs. A prolegomenon to the study of Byzantium and the Arabs*, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, Washington, 1984 (193 с.; 5 карт; 3 иллюстрации).

Irfan Shahîd, *Byzantium and the Arabs in the Fourth Century*, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, Washington, 1984 (628 с.; 8 карт; библиография; 3 иллюстрации; индекс).

Известный американский исследователь истории доисламской Аравии Ирфан Шахид подготовил первые две монографии из задуманных пяти¹ по истории взаимоотношений Рима, Византии и арабов.

В первой книге рассмотрены следующие проблемы: арабское присутствие на Ближнем Востоке; римско-арабские политические и культурные связи от Помпея до Диоклетяна. Много места в исследовании уделено Филиппу Арабу и арабам у Евсевия. Несколько выпадает из композиции книги пятая глава — *Notitia Dignitatum*. Анализ этого памятника V в. н.э. был бы, на наш взгляд, более к месту в последующих томах данной серии монографий. Книга завершается большим обобщающим разделом, где особый упор сделан на значение и роль арабов в римской истории.

Вторая работа построена несколько иначе. Она делится на три неравные части. В первой и самой большой части автор последовательно разбирает все narra-

тивные источники на греческом и латинском языках, относящиеся к IV в. н.э. и сообщающие об арабах. Материал расположен хронологически, рубрикация идет по годам правления римских императоров.

Вторая часть, посвященная анализу арабских и сирийских источников, не отличается такой полнотой. И. Шахид анализирует в основном Хишам б. Мухаммад аль-Кальби, только привлекая сообщения Табари, Мас'уди, Йакута, Балазури и других авторов. Из сирийских историков использованы преимущественно Бар-Эбрей и Михаил Сириец. В основном вторая часть посвящена анализу известий о племени Танух. По мнению И. Шахида, арабы, называемые в античных источниках рассматриваемого времени *foederati*, — это танухиды. Подтверждений этому в источниках нет, поэтому данная гипотеза, основанная на допущении, не кажется все же убедительной.

В третьей части книги рассматриваются некоторые проблемы истории византийско-арабских отношений в IV в. В основном речь идет о путях оформления официальных отношений имперской администрации с арабскими племенами.

Во второй из рецензируемых работ есть обширная библиография, относящаяся к обеим монографиям. В обеих книгах имеются также многочисленные карты, индексы, несколько иллюстраций.

И. Шахид использовал в своей работе исследования советских авторов. В „Byzantium and the Arabs...“ привлекается в немецком переводе книга Н.В. Пигулевской „Византия на путях в Индию“ и в русском издании книга Н.В. Пигулевской „Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI вв.“. Однако не может не вызвать удивления оценка, которую И. Шахид дает второй из этих работ. По его мнению,² „Арабы у границ Византии и Ирана...“ являются поверхностной компиляцией.

С таким взглядом никак нельзя согласиться, ибо все работы Н.В. Пигулевской отличаются превосходным филологическим и историческим анализом источников, а также продуманностью и обоснованностью выводов. Особо хотелось бы отметить, что „Арабы у границ Византии и Ирана...“, являясь одним из важнейших исследований по истории доисламской Аравии, во многом превосходят рецензируемые работы И. Шахида как по охвату источников, так и по уровню разработки рассматриваемых проблем.

Видимо, И. Шахиду остались неизвестными три работы И.Ш. Шифмана, имеющие непосредственное отношение к рассматриваемым в данных книгах проблемам.³

Основное значение работ И. Шахида в том, что в них собран большой материал по рассматриваемым проблемам. Автор приводит и разбирает все имеющиеся точки зрения по интерпретации того или иного источника. Наиболее интересными представляются разделы об Аммиане Марцелине, а также об арабах у церковных историков и „отцов церкви“.

И. Шахид анализирует источники, обычно редко привлекавшие к себе внимание: житие Малха, житие св. Иллариона, *Relatio* монаха Аммония.

На наш взгляд, наиболее важен анализ *Relatio* Аммония, повествования о нападении арабов и блеммиев на синайские монастыри. Это произведение, написанное в конце IV в., помимо восхвалений христианских добродетелей монахов, содержит и описания обычаев арабских племен.

И. Шахид первым по-настоящему проанализировал это произведение и показал возможность его использования как исторического источника. Доказательство подлинности *Relatio* построено у автора в форме опровержения взглядов Р. Деврееса,⁴ считавшего, что это произведение является компиляцией VI в. н.э. Р. Девреес исходил из определенной близости *Relatio* с рассказами Созомена об арабской царице Мавии, а также с сообщениями Евтихия об укреплении монастырей на Синае в середине VI в.

И. Шахид убедительно показал, что в действительности никаких совпадений, позволяющих говорить о зависимости автора *Relatio* от сообщений Созомена и Евтихия, нет. Выводы Р. Деврееса основаны, как пишет И. Шахид, на произвольной интерпретации некоторых выражений памятника, не дающих все же оснований для столь далеко идущих выводов.

Здесь хотелось бы внести одно уточнение в аргументацию автора. И. Шахид считает одним из важнейших показателей подлинности *Relatio* тот факт, что

вождь арабов оазиса Фаран носит имя 'Οβεδαίβος, соответствующее арабскому 'Убайд/'Убайда. По мнению И. Шахида, уникальность этого имени как раз и свидетельствует о том, что Relatio отразило подлинный „локальный колорит“ Синая.

Имя 'Убайд/'Убайда никак нельзя назвать уникальным. 'bd и производные от него распространены по всему Аравийскому полуострову и встречаются часто.⁵ При этом на северо-западе полуострова, у сафских племен, находившихся в летние месяцы в областях Заирдания, имя 'bd встречается чаще, чем где-либо в других районах Аравии.⁶

Кроме того, что более существенно, имя 'bydw – точный фонетический эквивалент имени 'Οβεδαίβος – 106 раз засвидетельствовано в синайских набатейских надписях,⁷ относящихся, как известно, к II–III вв. н.э. Поэтому о „локальном колорите“ Синая в Relatio может свидетельствовать как раз частота употребления имени 'bd в Аравии в целом и имени 'bydw в надписях Синайского полуострова.

К сожалению, приходится отметить, что некоторые общие установки работ И. Шахида во многом изменяют то впечатление, которое оставляет источниковедческая часть работы.

Во введении ко второй работе автор пишет, что идеалом для него является комплексный подход к проблеме, рассмотрение византийско-арабских отношений и с точки зрения арабиста, и с точки зрения византиниста. На наш взгляд, этот подход предполагает систематическое изложение истории пограничных ближневосточных провинций Рима и Византии, а также связанное рассмотрение истории аравийских племен, связанных с Римом и Византией.

Книги И.Шахида распадаются на группы заметок по поводу той или иной проблемы, той или иной группы источников. Систематического изложения всего того, что имеет отношение к предмету исследования, у И. Шахида все же нет.

Здесь нельзя не сказать, что И.Шахид существенно обеднил свои исследования, никак не затронув многочисленные греческие и латинские надписи римской провинции Аравии, дающие богатейший материал как по истории провинции, так и по истории аравийских племен, кочевавших в этих районах. Не меньшим недостатком является и то, что И. Шахид практически не использовал набатейские, сафские и самудские надписи, дающие много материала по проблемам, рассматриваемым в работах.

Большие возможности, открывающиеся при изучении этих надписей для истории аравийских племен и для характеристики взаимоотношений Империи с арабами, были продемонстрированы М. Сартром и Д.Ф. Графом.⁸

Первое, что бросается в глаза при ознакомлении с книгами – это пристрастность изложения. В обеих работах прекрасно чувствуется стремление автора выше всяких разумных пределов поднять роль арабов в римской и византийской истории.

В работах, подобных этим, было бы логичным ожидать определения, как автор понимает термин „арабы“. Однако этого нет. И. Шахид в „Rome and the Arabs...“ (р.3–5), следуя данным античной традиции, ограничивается перечислением тех основных⁹ этнических групп на Ближнем Востоке, которые в его понимании являются арабами. Это – по состоянию на начало I в. до н.э. – осроенцы; племена в районе Антиохии, подчиненные 'Азизу; племена в районе Халкиса; арабы Пальмиры; племена в районе Эмессы и Аретузы, подчиненные Сампсикераму; итурей; набатеи; идумеи; арабы Египта.

В предисловии ко второму исследованию автор оговаривает,¹⁰ что в данной работе он анализирует источники лишь о тех арабах, которые были союзниками (foederati) Рима и Византии, и не собирается рассматривать материал об арабах, живущих на территории Империи, и племенах собственно Аравийского полуострова.

Такой подход к проблеме в трудах, основное содержание которых составляет источниковедческий анализ, представляется явно недостаточным. И. Шахид слишком упрощает ситуацию, не учитывает и не хочет учитывать, что отнесение той или иной этнической группы к числу арабов представляет самостоятельную научную проблему, нуждающуюся в специальном исследовании.¹¹

Так, сомнительно относить к числу арабов идумеев.¹² Далеко не так прост вопрос с жителями Пальмиры и набатеями, по сути дела полностью воспринявшими арамейский язык и культуру. Кроме того, можно отметить, что набатеи, арабы для античных авторов,¹³ воспринимались арабскими историками эпохи Халифата совсем иначе. После победы ислама термин *nabatu* стал обозначать арамейское, доарабское население Ближнего Востока.¹⁴

Наконец, необходимо сказать, что термин „арабы“ применим к современным народам Ближнего Востока – к народам, населявшим этот район как во времена Халифата, так и до ислама. Однако совершенно очевидно, что внутреннее содержание термина „арабы“ во всех случаях будет различным. Без специальных оговорок этих различий,¹⁵ объясняющихся разным для каждой эпохи уровнем этнической общности, вполне может сложиться впечатление, что для исследователя таких различий не существует.

Следующая проблема, на которой хотелось бы остановиться, связана с Филиппом Арабом и возможностью его принадлежности к христианству. И. Шахид подробно разбирает¹⁶ свидетельства источников, из которых, по его мнению, ясно вытекает, что Филиппа следует считать христианином.

Действительно, все христианские авторы, которые упоминают о Филиппе, называют его первым христианином на римском троне. Традиция эта начинается с Евсевия, сообщения которого наиболее подробны. Все остальные христианские авторы при изложении этого вопроса в большей или меньшей степени зависят от сообщений Евсевия.¹⁷

Наименее определенным является цитируемое Евсевием письмо александрийского епископа Дионисия. В этом письме встречается утверждение, что император Валериан (253–258) по мягкости отношения к христианам превзошел ранее правивших императоров, про которых говорили, что они открыто исповедовали христианство (*Hist. eccl.* VII, 10, 3: *οἱ λεχθέντες ἀναφανδὸν Χριστιανοὶ γερονέται*). Однако речь здесь идет явно о неопределенных слухах, циркулировавших в христианских кругах. Формула *οἱ λεχθέντες* – „слышавшие“, „те, о которых говорили“, свидетельствует, на наш взгляд, сама за себя. Александрийскому епископу сказать по данному вопросу нечего. Передача же общего мнения христианских кругов, что до Валериана были императоры, открыто примкнувшие к новой религии, никак не может быть использована в качестве достоверного подтверждения принадлежности Филиппа к христианству. Для И. Шахида же – это заслуживающее доверия свидетельство о христианской вере Филиппа. По его мнению, упомянутые в письме Дионисия императоры – это Север Александр и Филипп. Однако никаких настоящих аргументов в пользу такой интерпретации этого свидетельства И. Шахид не приводит.

Как реальное подтверждение принадлежности императора к новой вере расценивает И. Шахид и другое свидетельство Евсевия. В шестой книге „Церковной истории“ (6, 36, 3) Евсевий сообщает, что среди собранных им писем Оригена есть послание к императору Филиппу и его жене Отацилии Севере.

И. Шахид сопоставляет текст Евсевия с сообщениями Иеронима в Винченца Леринского о письмах Оригена к Филиппу. Однако в приводимых автором отрывках речь идет либо о характеристике писем (Иероним), либо о характеристике стиля писем (Винцент Леринский). Таким образом, все три свидетельства о письмах Оригена к Филиппу не имеют никакого отношения к конфессиональной принадлежности императора.

Наибольшее внимания заслуживает третье свидетельство Евсевия. В *Hist. eccl.* VI, 34 речь идет о том, как Филипп, собравшись на пасху в церковь, был остановлен священнослужителем, сказавшим императору, что тому необходимо исповедоваться.

История эта вводится фразой: *τοῦτον κατέχει λόγος Χριστιανὸν ὄντα*. Однозначного перевода этого предложения нет. Греческое *λόγος* может иметь три группы значений: слово; то, что сказано словом; то, что записано словом. Поэтому данную вводную фразу можно в равной степени перевести: „О нем сказано, что он был христианином“ и „Есть письменное предание, что он был христианином“. Для И. Шахида это самое ясное и явное свидетельство о принадлежности Филиппа к христианству. Однако аргументы И. Шахида ограничи-

ваются следующими утверждениями. Термином *λόγος* обозначен письменный источник;¹⁸ слова *κατέχει λόγος* выражают отношение Евсевия к тому, что он описывает. Сами по себе эти утверждения сомнений не вызывают, но дают ли данные свидетельства реальные основания считать Филиппа христианином?

Евсевий ссылается на источник (*κατέχει λόγος*),¹⁹ с информацией которого он согласен. Однако сам источник, к которому восходит сообщение Евсевия и в конечном счете всех других христианских авторов, пишущих о Филиппе, нам неизвестен. Между тем совершенно ясно, что без анализа этого источника все рассуждения по данному вопросу будут лишь приблизительными, обусловленными симпатиями или антипатиями автора.

На наш взгляд, в настоящий момент необходимо отметить, что вопрос о принадлежности Филиппа к христианству не является настолько принципиальным. Филипп не преследовал христиан, но и ничего не делал для их поддержки. Между тем только в случае активной поддержки новой религии со стороны императора имело бы смысл, как это делает И. Шахид, говорить о значимости данной проблемы для истории христианства и арабской доисламской истории.

Кроме того, можно сказать, что в целом христианская традиция о Филиппе выглядит неисторичной. Причисление к сонму богов собственного отца, пышное празднование тысячелетия основания Рима едва ли были бы возможны, будь Филипп действительно христианином. Обращает на себя внимание, что светские авторы никогда не называют Филиппа христианином.²⁰

Необходимо отметить, что у И. Шахида в ряде случаев отсутствует критика источников. Особенно это проявляется в подходе к арабским авторам. По его мнению, сообщения арабских авторов о доисламском прошлом заслуживают безусловного доверия, ибо длинная цепь информаторов непосредственно связывает арабских историков с периодом, описываемым ими.²¹ И. Шахид совершенно не учитывает, что при оценке степени вероятности сведений, сообщаемых историками эпохи Халифата, необходимо иметь в виду несколько ситуаций. Хорошо известно, как в некоторых случаях подлинные события обрастали множеством дополнительных деталей, искажаясь до неузнаваемости. Так, в арабских версиях истории царицы Зеновии²² разгром пальмирского царства изображается как дело рук арабов, а римляне даже не упоминаются. Искажениям и даже фальсификациям²³ подвергались генеалогические связи между аравийскими племенами доисламского периода и племенами эпохи Халифата.

Именно поэтому сообщения арабских авторов необходимо постоянно (насколько позволяют источники) сопоставлять с данными сирийских, античных и византийских историков. Только тщательный анализ текста каждого автора и каждого сообщения может служить гарантией от использования неверной или сомнительной информации.

По мнению же И. Шахида, можно почти наверняка говорить о том, что христианином был лахмид Имрулькайс, известный по знаменитой набатейской надписи из Эн-Немары.²⁴

Хишам б. Мухаммад ал-Кальби говорит о полной христианизации племени Танух. На основании этого сообщения, в истинности которого автор не сомневается, И. Шахид строит теорию о проникновении христианства в среду аравийских племен в III в. н.э.,²⁵ тогда как достоверная информация о христианстве у арабов начинается только в IV в.²⁶

Таковы наиболее существенные проблемы, затронутые в работах И. Шахида. Данные монографии имеют большое значение как источниковедческое исследование. Исторические же выводы, к сожалению, невозможно принимать без тщательной проверки.

Примечания

¹ См.: Shahîd Irfan. Byzantium and the Arabs..., p. XV-XVI.

² Ibid., p. XIX.

³ Шифман И.Ш. 1) Nabatean Kingdom and its Culture. М., 1976.

2) Сирийское общество эпохи Принципата (I-III вв.). М., 1977; 3) Пальмирский пошлинный тариф. М., 1980.

⁴Devreesse R. Le christianisme dans la péninsule sinaï-tique, dès origines à l'arrivée des musulmans. — Revue biblique, (1940), vol. 49, p. 205–223.

⁵Lankester Harding G. An index and concordance of pre-islamic arabian names and inscriptions. Toronto, 1971, p. 396–402.

⁶Ibid., p. 397.

⁷CIS, Paris, 1907, pars II, t. 2, p. 242–243.

⁸Sartre M. Trois études sur l'Arabie romaine et byzantine. Bruxelles, 1982, p. 122–128; Graf D.F. The Saracens and the defence of the arabian frontier. — BASOR, (1978), N 229, p. 1–26.

⁹И. Шахид отмечает, что он не дает исчерпывающего списка всех групп арабов, а ограничивается лишь указанием на основные (Shahîd Irfan, Rome and the Arabs, p. 3, note 3).

¹⁰Shahîd Irfan. Byzantium and the Arabs, p. XV–XIX; 2–11.

¹¹Shahîd Irfan. Rome and the Arabs, p. 6, 145.

¹²См.: RE, IX. Band, I. Halbband, sp. 913–918.

¹³Cantineau J. Le Nabatéen I. Notions générales — écriture — grammaire. Paris, 1930, p. 1; Шифман И.Ш. Nabateйское государство и его культура. М., 1976, с. 11–13, 69.

¹⁴Шифман И.Ш. Nabateйское государство ..., с. 140.

¹⁵У И. Шахида их нет.

¹⁶Shahîd Irfan. Rome and the Arabs, p. 65–93.

¹⁷И. Шахид считает возможным говорить о независимости сообщений Иеронима, Орозия, Винченца Леринского, Иоанна Златоуста и Леонтия от Евсевия. Однако анализ текста Евсевия показывает, что все христианские авторы, рассказывающие о Филиппе (в том числе и Евсевий), зависят от общего, остающегося нам неизвестным источника.

¹⁸Для И. Шахида такая интерпретация термина λόγος важна в качестве противовеса взглядам Э. Штайна, полагающего, что λόγος в данном случае следует понимать, как „слухи“.

¹⁹Строго говоря, неясно, следует ли относить слова κατέχει λόγος к Евсевию или к тому источнику, которым он воспользовался. В любом случае ясно, что Евсевий согласен с такой точкой зрения.

²⁰Wowersock G.W. Roman Arabia. Harvard, London, 1983, p. 126–127.

²¹Shahîd Irfan. Byzantium and the Arabs, p. 3.

²²Пиотровский М.Б. Арабская версия истории царицы Зенобии (Аз-Заббь). Палест. сборник, 1970, вып. 21 (84), с. 170–184.

²³Пиотровский М.Б. Предание о химйаритском царе Ас'аде ал-Камиле. М., 1977, с. 10–11.

²⁴Лакмида Имрулькайса называют христианином Хишам б. Мухаммад аль-Кальби. См.: Shahîd Irfan. Byzantium and the Arabs, p. 414–415; 32–35.

²⁵Ibid., 418–419.

²⁶Devreesse R. Le patriarcat d'Antioche depuis la paix de l'église jusqu'à la conquête arabe. Paris, 1945, p. 211–216.

А.Г. Грушевой.